

МУДРЫЕ
ПРИТЧИ
- ДЛ Я -
МУДРЫХ
ЖЕНЩИН

Светлана Васильевна Савицкая
Мудрые притчи для мудрых женщин
Серия «Жемчужины мудрости (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155704
Светлана Савицкая. Мудрые притчи для мудрых женщин: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-73486-3

Аннотация

Притчи известной российской писательницы Светланы Савицкой – настоящие жемчужины женской мудрости. Почему женской? А потому, что только изяществу женского восприятия дано понять потрясающую игру разума, свойственную притчам. Эти милые притчи, наполненные безудержной фантазией и вдохновенным воображением автора, повествуют о сложных темах любви, дружбы, о семье, об этом изменяющемся мире и вечных ценностях так просто и открыто, что только женщина может осознать их до конца и стать еще чуточку мудрее.

Содержание

Часть 1. Звезды в соломенной шляпке	5
Серебряные врата	5
Белые цветы	7
Мудрые мысли	9
Звезды в соломенной шляпке	10
Рецепт от старости	12
Тин-Ти-Ней	13
Лети, как Киа!	17
Горячая снежинка	20
Шарманка	23
Ковыльный венок	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Савицкая

Мудрые притчи для мудрых женщин

© Савицкая С.В., текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Часть 1. Звезды в соломенной шляпке

Серебряные врата

Жили люди на земле, поживали беспечно, как вдруг ни с того ни с сего на пол-света белого выросла черная стена. Вышел на землю враг из серебряных врат. Направились навстречу волхвы с превеликими дарами, златом, жемчугом, камнями драгоценными убеждать врага, чтобы не трогал их. Да в плен попали.

Много раньше было у народа противников. Но такого не случилось.

Выдвинулись следом мужики стариков выручать, заточили стрелы. В умах черная несправедливость. Но не тут-то было – враг силен и жесток, быстро поверг всех в кровь, грязь, страх и беспросветное рабство.

Собрались тогда оставшиеся мальчишки.

Нарядились в кольчуги, как взрослые. Ожесточили сердца ненавистью. Заострили копья и ринулись в бой, но и они не смогли дать отпор. И они за вратами исчезли.

Собрались бабы у большого костра, стали думу думать, как землю от лютой беды спасти.

Высоки серебряные врата. Да широка стена. Ни пешему, ни коннику, женщине и подавно ни перелезть, ни обойти ее никак не получится.

– Дорога идет через лес и у гор сворачивает, – молвила самая древняя мать. Ведающая мать Ведьма. – Собирайте обоз, старухи. С копьями, стрелами, булатными мечами. Нельзя обойти стену, но можно объехать. Выедем на подмогу со стороны гор, получают оружие наши мужики, вместе с ними сможем отомстить. А сгинем, так нас не жаль. Пожили как могли на этом свете, и ладно.

Собрали обоз самые старые бабы ведьмы, ведающие матери. Повели по дороге лошадей да быков. Повозки от груза ломаются. Лица от горя белее смерти стали.

Отворились тут Серебряные врата. Захватили враги обоз. К мужикам старух еще в полон увели.

Долго горевали оставшиеся бабы. Да слезами горю не поможешь. Вновь собрались они вокруг костра.

Вновь стали думу думать.

– Река! – воскликнула тут Веста, та, которой весть о замужестве давно пришла, да пропал милый друг за серебряными вратами, как и у других, – Ра-река течет вокруг врат! На лодках можно их обогнуть. Передать нашим милым друзьям то, что необходимо для победы!

Снарядили молодые, женатые бабы лодки. Посыпали головы пеплом. Поплыли мужиков из беды выручать.

Да не тут-то было. Вновь коварно разверзлась стена. Вышел на землю враг из серебряных врат. Захватил лодки и баб захватил.

Что делать?

Остались на земле лишь самые малые девочки, куда им до Вест, побывавших в замужестве, куда им до Ведьм, знающих все! Куда им до мудрых дедов, сильных мужиков и отважных мальчишек! Ни вести от суженых им еще не было, ни опыта жизни земной, ни знания этой жизни.

Собрались вокруг костра они. Плачут. Некому зверя и рыбу добывать. Некому рожь-пшеницу жать. Некому пироги печь. Сидят голодом.

Молвила тут самая младшая из всех Не-Веста и горячо воскликнула:

– Хватит горевать! Грусть-печаль из пустого в порожнее переливать! Знаю я, что надо делать. Вот только сможем ли?

– Сможем! Сможем! Мы все сможем! Кроме нас некому! – ответили подруги.

– Тогда слушайте. Должны мы корабль построить. Большой-большой, больше лодок всех, вместе взятых, шире всех повозок и телег! Чтобы весь наш род на нем уместиться мог. Не простой этот корабль будет. Волшебный. Который летать умеет. Потому как против черной магии только белое волшебство помочь может.

– А как же строить мы его будем? Ведь мы не умеем, как надо, – возразили другие невесты.

– Не умеем, как надо, значит, получится так, как не было никогда. В мечтах мы его строить будем. Но лишь в тех мечтах, где нет места злему, а лишь то, что хотим видеть в будущем и за что стоит драться. Так только врагов победить во сне можно!

– А о чем же мечтать? – спросили девушки. – Ведь мы жизни не знаем!

– О самом прекрасном. О цветах. О пшенице. О пашне. О птицах. О звере. О рыбах. О траве. О бабе. О деде. О маме. О папе. О сыне. О дочке. О солнце. О небе. О земле и ветре. О мире. О любви. О счастье. Закройте глаза. И представьте все разом этот корабль. И все у нас получится.

Не спали в эту ночь не-весты. Сели спиралями у костра. Взялись за руки. И давай мечтать.

И сознание дев непорочных было столь мощным и столь прекрасным в своем отчаянии, что появился над землею огромный крылатый корабль, точно белый лебедь, украшенный самыми благоуханными цветами молодых невест. Не из бревен он был сбит, а из призрачных мерцающих радуг. Веслами того корабля управляли любовь и счастье. В высоких шелковых парусах трепетали теплые весенние ветры. Вместо штурвала – блистательное солнце! Вместо пушек – смелые звезды! Оживают на том корабле самые лучшие, самые веселые игрушки. А на палубе – все радостно смеющиеся дети земли!

– Вперед – командовала Не-Веста, – постоим за наших отцов и дедов, баб и матерей, за наших братьев и за нашу Землю!

И ринулся рожденной галактикой мощный непреодолимый энергетический сгусток – этот прекрасный коллективный сон – в разрозненные сны врагов, которые мечтали лишь о власти, деньгах и славе. И те под ничтожеством своих стремлений, превратились в камни и пыль. Точно разъеденная серной кислотой рухнула стена. Выбежали освобожденные из плена жители земли.

Обняли не-весты и ведьмы, старики, мужики и братья. Растаял в воздухе корабль.

А серебряные врата превратились вот в эту сказку. Но ты помни о ней.

Белые цветы

В непролазной чаще черного леса стоял когда-то угрюмый город. И жили в нем несчастные люди. Свои драгоценности они прятали в сундуки и сейфы. Дома обносили высокими заборами. И свирепые псы бегали в каждом дворе.

Но самое страшное – лица свои люди прятали под масками. Когда шли на работу, надевали маску научности, когда шли в магазин – маску самодовольства. На все случаи жизни у них были свои маски. Они изворачивались, лицемерили, и всяк норовил обмануть другого. Со временем души у всех так зачерствели, что превратились в совсем маленькие песчинки...

Но вот однажды в их городе появился дом, совсем непохожий на остальные. Окруженный садом с невиданными белыми цветами, благоухающими на весь город, он вызывающе стоял на центральной площади без решеток и заборов, и от него исходило белое сияние. А среди цветущих выющихся растений качалась на качелях молодая женщина с длинными рыжими волосами, которые, как костер на снегу, полыхали среди белого сада.

Жители надели маски превосходства и безразличия, хотя, конечно, разглядели все до мельчайших подробностей. Дождавшись ночи, они надели маски жуликов, и пришли воровать белые цветы.

Жадными руками вырывали они все с корнями, а клумбы затоптали, ведь их нельзя унести с собой. Каждый житель посадил в своем черном саду белые цветы, но к утру они опустили головки и зачахли.

Днем жители угрюмого города, надев маски любопытства, пришли к необычному дому, и опять, будто нетронутый, благоухал белый сад, а женщина безмятежно качалась на качелях.

«Да она издевается над нами!» – подумали жители и ночью надели маски убийц, чтобы отомстить ей.

Но когда они проникли в дом через открытые окна и двери, тот оказался совсем пустой, лишь тени металась по стенам. Обезумевшие, они ломали дом, топтали сад, но стоило им отвернуться, как все снова возвращалось к своей красоте.

Без сна провели жители города остаток ночи. И что-то переменилось в них. Неудержимая сила тянула всех к непокорному дому. Утром они окружили его кольцом, даже забыв надеть маски, и спросили женщину, которая с улыбкой на лице поливала цветы:

– Кто ты? Зачем ты появилась у нас? Почему ты без маски? Почему нет забора вокруг твоего сада? И почему тебя не охраняет свирепый пес?

– Я? – женщина засмеялась, и всем сразу стало легко на душе. – Я – ваша мечта! Я долго ждала, что вы придете без масок, и вы пришли. За это я подарю каждому по цветку.

Складки одежды женщины расправились, и все увидели прозрачные крылья. Незнакомка стала перелетать с цветка на цветок.

– Выбирайте, – говорила она, – вот это белые хризантемы – цветы надежды, белые орхидеи – цветы совершенства, белые гвоздики – цветы дружбы, белые розы – цветы чистой любви, белые пионы – цветы невинности, белые лилии – символ чистоты... Возьмите их, они ваши!

Тогда каждый осторожно и недоверчиво выбрал себе по цветку, чтобы посадить его в своей душе. И город сразу заискрился светом. И рухнули заборы. И разбежались собаки. И открылись кованые сундуки...

А на месте волшебного дома взметнулось большое рыжее пламя. Жители собрали все теперь уже ненужные маски и бросили их в это пламя. И оно поглотило их.

И расступился черный лес. Теперь это самое счастливое место на земле, которое можно назвать раем. К нему сто дорог. Загляни в себя. И если ты найдешь в своей душе хоть один белый цветок, тебя с радостью встретят в этом городе.

Мудрые мысли

За толстым стеклом в шкафу жили книги. Они были разные. На нижней полке пыхтели от пыли неповоротливые энциклопедии, которые знали все. Вот уж кто мог ответить на любой вопрос! Полки повыше занимали романы, повести, рассказы. Они тоже давали ответы, только длинные и подробные. С такими книгами хозяйка засыпала в кресле у камина, обнимая их, как любимую подушку. А с самой высокой полки поглядывали маленькие томики стихов. В их глазах были одни вопросы. И хозяйка редко брала стихи, потому что давно выучила их наизусть.

Хозяйка не покупала новых книг. В основном их ей дарили. И вот на день рождения кто-то принес сборник под названием «Мудрые мысли». С каким упоением прочла женщина созвездие лучших умов под одной обложкой! И, как это бывает, когда читаешь сразу много умных вещей, не запомнила ничего из прочитанного. Но осталась в восторге! И конечно, отвела для новой книги в шкафу лучшее место.

Шло время. К хозяйке приходили гости, и она знакомила их с книгами в шкафу. Или же гости сами знакомились с ними, когда хозяйка накрывала белой скатертью стол. В один из таких приемов хозяйка любезно предложила кому-то почитать «Мудрые мысли». Так сборник цитат попал в другие руки.

Хозяйка, скорее всего, не догадывалась, что у всех книг есть свой характер. Они привыкают к людям. А некоторые сильно обижаются, если их выносят из дома, и не возвращаются совсем. Обиделись и «Мудрые мысли». К тому же они немного умели колдовать.

Долго вспоминала хозяйка, кому же она отдала свои «Мудрые мысли», но так и не вспомнила. А книга после прочтения попала в третьи руки, потом в четвертые. И все забывали предыдущих и последующих ее хозяев. Так «Мудрые мысли» обошли весь город, не зацепившись ни в одной голове ни одним намеком. Обложка порядком истрепалась, страницы засалились и загнулись. Корешок ослабел. Но «Мудрые мысли» оставались быть по-прежнему мудрыми, потому что однажды перестали сердиться и вернулись в дом хозяйки через сотые, а может, тысячные руки.

Прочтя их снова от корки до корки и устанавливая за толстое стекло шкафа, хозяйка сказала:

– Да! Чудесная книга! У меня когда-то давно-давно была такая же. Только новая. Их теперь не выпускают. У кого же я ее брала?..

Звезды в соломенной шляпе

Жил один охотник. Это был очень хороший охотник. Ловко добывал он лося и без страха мог посмотреть в глаза медведю. Из соседней деревни подобрали ему родители достойную пару, ладную и работающую. Родила она ему трех сыновей. Дружно жила семья. Строились. Сеяли пшеницу. Растили детей.

Так и продолжалось бы дальше. Но однажды пошел охотник в лес и забрел так далеко, где не бывал раньше. Много дней блуждал он, пока лес не расступился перед широкой рекой.

Прильнул охотник губами к прохладной воде, и тут рядом с собой увидел отражение прекрасной девицы в соломенной шляпе.

Синей тенью отражалась в грустных глазах прохладная река. Соломенные волосы спутаны ветром. Рот слегка приоткрыт и не знает, улыбаться ему или сердиться. Но вот вздрогнули ресницы. Девушка отпрыгнула и пошла по песку, оставляя легкие, почти невесомые следы.

– Пстой! – охотник догнал ее и взял за руку.

– Разве ты меня не боишься? – спросила девушка.

– Ты кто? – нахмурился охотник. – И почему это я должен тебя бояться?

– Я? – девушка задумалась, опустила глаза. – Я сама не знаю, кто я. Но меня все боятся.

А ты правда не боишься?

– Я ничего не боюсь.

– Это хорошо, – сказала девушка.

Она сняла с головы свою шляпу и сказала:

– Смотри! Смотри на небо! Даже днем через соломенную шляпу можно увидеть звезды!

Охотник заглянул в ее волшебную шляпу и забыл о семье, о детях и о родной деревне.

Девушка привела его к себе в соломенную хижину. Все там было из соломы: и стены; и крыша; и коврики; и гамак... и в них шуршал теплый ветер.

Целую неделю прожил охотник у прекрасной девицы. Даже устал от безделья. И сразу вспомнил, что надо идти домой, где его ждут дети и семейные хлопоты.

Еще грустнее стали глаза у прекрасной девицы. Сняла она шляпу и отдала охотнику.

– Возьми, если захочешь снова ко мне, загляни в нее, увидишь звезды, и ноги сами приведут тебя сюда.

Горько было расставаться охотнику, успел полюбить он лесную нимфу. Спрятал он шляпу и пообещал вернуться.

Быстро нашел охотник свою деревню. А там уже три года прошло. Радостно встречала его семья.

И жизнь опять потекла своим чередом. Охотник ходил на охоту. Сыновья росли. Вместе сеяли и убирали хлеб.

Только иногда он грустно вспоминал о Соломенной девице.

– Вот, – думал, – запашем поле, потом, – вот, соберу урожай... а дальше – зима, охота, дети, жена, заботы... И все повторялось по кругу.

Прошло много лет. Старший сын вырос, стал неплохим охотником, почти как отец. Искал он как-то топориче в старом сарае и нашел кожаную отцовскую сумку, а в ней шляпу. Заглянул он в нее и увидел звезды!

– Отец! Отец! – вбежал он в дом. – Смотри! Я вижу в шляпе звезды! Отец! Отпусти меня в дальний лес на охоту! Так и просится, так и зовет душа!

Ничего не ответил старый охотник, глядя на красивого и бравого молодца. Такие из дальних странствий не возвращаются. Пока нет семьи, нет хлопот, нет и тяги к родному

очагу. Забрал шляпу и бросил в печь. Хрустко загорелись сплетенные хитрым узором соломинки. Печально улыбнулось из огня прекрасное лицо. Взметнулись светлые волосы и рассыпались звездным салютом.

И все погасло, как будто ничего и не было.

Рецепт от старости

Если утреннее отражение в зеркале не обрадовало, если депрессия не давала заснуть всю ночь, можно приготовить напиток молодости.

Отожмите в граненый стакан кислоту выводов боли потерь. Добавьте щепотку радости первой и последней победы. На кончике ножа следует присыпать все это пеплом огорчения недоуменных врагов после бывшего триумфа. В стакан можно бросить две-три блохи ошибок, которых никто, кроме вас, не заметил, и обрывок письма бабушки, где она благословляла вас перед тем, как проститься.

С концентрированной эссенцией восхищенного взгляда ангела из сна нужно обращаться осторожно. Лучше всего ее предварительно развести в зеленке, что так часто помогала лечить детские ссадины на коленях, или в валокордине, успокоившем недавний сердечный приступ. Ложка истинного абсолютного успеха, свершившегося когда-то, тоже не помешает. Все тщательно перемешать с двумя капельками пота: дикого объезженного вами коня и уснувшего на руках ребенка. Затем по очереди бросить: трепет поцелуя ветра и самую пронзительную ноту песни дождя, снежинку покоренной вершины, дождинку свершившегося свидания. После всего этого осторожно влейте живительный сок полета мечты. Если масса не достаточно густа, с самой верхней полки памяти достаньте баночку удовлетворения собою по поводу того, что вы хотели сделать и не сделали – воздержались от любви, чтобы не испортить кому-то жизнь, не украли того, что плохо лежало, не съели лишнего. Пару щепоток этой субстанции вполне достаточно. Не увлекайтесь! Ведь в конце надо положить еще горстку прощения и еще раз перемешать с улыбкой воспоминания о том, что кому-то достался от вас подарок, о котором вы только сейчас вспомнили.

Залейте все это самым безмятежным утренним солнцем своей жизни. Напиток сверху присыпьте сладким заменителем сахарной пудры – надеждой завтрашнего дня.

Принимать вместо пищи три раза в день. Без сомнения, вы вновь обретете молодость и хорошее настроение!

P.S. (P) Перец Преодоления и (S) Соль Счастливой слезы любимого – добавьте по вкусу..

Тин-Ти-Ней

Она родилась как сотни, как тысячи детей на планете, но он полюбил ее сразу, с первого взмаха крохотных детских ручек. Он назвал ее Дин-Дин, потому что звонкий ее первый плач разбудил в его душе трогательную песню.

Дождь ворвался в открытое окно, чтобы дотронуться несколькими успокоительными каплями до ее ангельского личика и подсказать матери, как следует назвать девочку. Так прошло крещение.

Дина росла на радость матери спокойной и неприхотливой. Никто не заметил, как теплый дождь Тин-Ти-Ней уверенно поселился возле маленького городка, наполняя округу волшебным шелестом. От его чудодейственной силы не только благоухали цветники, пополнялись реки, умывались крыши, от его прозрачной светлой песни, льющейся с неба, маленькая Дин-Дин сразу переставала капризничать, плакать и очень скоро улыбалась во сне.

На зиму дождю приходилось улетать далеко на юг. Но в город, где жила Дин-Дин, он возвращался теперь даже зимой, принося себя, как подарок, истекая лучистой музыкой среди холодных сугробов.

Дин-Дин жила как сотни, как тысячи других детей, росла и училась. Она ничем не отличалась от них. Она очень долго не понимала, что приносит ей удачу.

Кто-то в школе прекрасно пел, кто-то рисовал, кто-то занимал первые места на соревнованиях. Дина ничего этого не умела, а может быть, не хотела уметь. Когда на выпускном вечере мальчишки стали приглашать подруг танцевать, Дина посмотрела в зеркало и загрустила.

Без плаща и без зонтика она вышла под дождь. Ее никто не догнал. О ней никто не вспомнил. Но она ощутила чье-то заботливое присутствие. Струи дождя вытирали ей слезы, тушили вспыхивающие щеки. Тин-Ти-Ней точно верный пес шагал рядом, качая ветки акаций.

Дина обернулась, но, никого не заметив, пошла дальше. Она все убыстряла шаг, потом побежала. И поняла, почувствовала, как дождь засмеялся, глядя на нее:

– Ха! Ха! Ха! От меня не убежишь!

И действительно. Он был вокруг. И справа. И слева. И сверху. И снизу. Он проникал в нее каким-то умиротворяющим тихим счастьем, торжественно барабанил по всему, где останавливался взгляд его королевы.

Так Дин-Дин полюбила гулять в дождь одна. Длинноногий Тин-Ти-Ней был от этого просто в восторге.

Он приносил девочке из дальних стран пыльцу тропических растений, пускал на лужах пузыри. Но все еще боялся заговорить с Дин-Дин.

Наконец однажды вечером он осторожно постучался к ней в балконную дверь.

С какой радостью бросился Тин-Ти-Ней ее обнимать и целовать, когда Дина впустила его в комнату. Она замерла, точно ждала этого всю свою жизнь, не отводя от него полных глаз дождя, а может быть, счастливых слез.

– Я люблю тебя, – первое, что сказал ей Тин-Ти-Ней.

– Кто ты? – удивилась девочка.

– Дождь.

– Дождь? И я люблю тебя, Дождь! Меня зовут Дина.

– Нет! Тебя зовут Дин-Дин. Это я назвал тебя так.

– А тебя? Как зовут тебя?

– Ты запомнишь?

– Попробую.

- Тин-Тин-Ти-Тан-Тан-Та-Дин-Дин-Ди-Ней, мама зовет меня Тин, а братья Ти-Ней.
- Я буду звать тебя Тин-Ти-Ней. Хорошо?
- Хорошо.

Они долго беседовали в ту ночь, рассказывая все, что еще не знали друг о друге.

- Понимаешь, – говорил Тин-Ти-Ней, – у каждого дождя есть своя мелодия.
- Да, и свой характер, – соглашалась девочка.
- Откуда ты знаешь?
- Я вас различаю.
- Правда?
- Правда. А тебя люблю больше всех.

Тин-Ти-Ней удивился и обрадовался:

- Почему?
- Ты добрый, – сказала девочка, – а еще веселый. А за что ты любишь меня?
- Ты подарила мне мелодию моей жизни.
- А можно ее услышать?
- Конечно.

Тин-Ти-Ней взлетел от окна к проводам и наиграл нежный высокий мотив, показавшийся ей давно знакомым.

Дин-Дин взяла гитару и повторила песню дождя. Так они встречались все лето.

Никто в целом свете не знал, что девочка дружит с теплым летним дождем по имени Тин-Ти-Ней и играет ему по вечерам на гитаре.

Но шло время. Девочка выросла.

- Почему ты грустишь, Дин-Дин? – как-то спросил у нее дождь.
- У всех есть друзья. А у меня только ты.
- Разве этого мало? – насторожился Тин-Ти-Ней.
- Понимаешь? На меня никто не обращает внимания. Когда ты уходишь, наступает пустота. Мне так одиноко. А я так хочу, чтобы у меня кто-то был!
- Ты уверена, что это принесет тебе счастье?
- Ну конечно!
- Хорошо, – сказал Тин-Ти-Ней, – я исполню твое желание, но тогда мне придется уйти из города. Если ты поймешь, что это не для тебя, назови мое полное имя. И я вернусь.
- Что мне делать, чтобы я была любима?
- Сыграй мою мелодию.
- И все?
- И все.

Так жизнь Дины переменялась. Стоило ей взять гитару и заиграть волшебную мелодию, как юноши забывали обо всем, кроме нее. У Дины появился парень. Потом другой, третий...

Наконец, она стала менять их, как перчатки.

Город постигло неурожайное время. Посевы побивало градом. Они гибли от засухи.

Душа Дины очень скоро устала от всевозможных встреч. Ей стало горько и тоскливо. Она поняла, что такая любовь ей вовсе не нужна. От дождя до дождя прошло не так уж много времени. И следующим засушливым летом девушка открыла окно и тихо позвала:

– Тин-Тин-Ти-Тан-Тан-Та-Дин-Дин-Ди-Ней! Это я! Твоя Дин-Дин! Ты был прав. Мне вовсе не надо того, что я просила. Вернись!

И дождь вернулся, излившись теплом в ее ладони.

Они долго беседовали весь вечер, рассказывая то, что случилось, пока не видели друг друга.

И Тин-Ти-Ней утешал ее, плачущую, как мог.

- Я хочу теперь семейного счастья. Хочу, чтобы у меня были дети. И муж.
- Разве тебе плохо со мной?
- Мне хорошо. Но понимаешь...
- Понимаю.

И все повторилось. Девушка наиграла мелодию своему будущему супругу. И дождь ушел надолго. На двадцать лет.

Дина растила детей. Штопала носки. Варила борщи и компоты. К ним в город заходили другие дожди. Скучные осенние, холодные, заунывные, гневные, грозовые, летние... не было только теплого и тихого Тин-Ти-Нея.

Казалось, Дину больше никто не понимал. Дети выросли и разъехались. Жизнь вроде бы удалась. Но не было теперь в ней ни волшебства, ни счастья. Все шло размеренно и благополучно.

И мерзкой ветреной осенью, когда с деревьев уже облетела вся листва, Дина открыла окно и отчаянно назвала имя своего старого друга.

Тин-Ти-Ней тут же окутал теплым туманом дома и кварталы, дхнул далеким морским бризом ей в лицо.

– Почему ты пришел? Ведь я предала тебя. Ведь я никто! И ничто! Я ничего не достигла в жизни! Я как тысячи других живу на этой земле! За что? За что ты любишь меня? – рыдала повзрослевшая Дин-Дин.

- Просто ты такая. И все.
- Ну какая я? Какая? Скажи!
- Не знаю. Просто я тебя понимаю. Просто ты – моя песня.
- Я устала.
- Я знаю.
- Мне надо что-то изменить.
- Что?
- Я хочу, пока еще не поздно, что-то совершить в жизни. Может быть... стать известной?
- Ты же знаешь, что надо делать.
- Я знаю.
- Тогда бери гитару. И иди.
- А ты?
- А я буду ждать, когда ты поймешь, как ты не права.

Вскоре появилась новая рок-звезда. С экранов улыбалось ее напыщенное лицо, и имя Дианы несколько лет не сходило с губ зачарованной молодежи. Новый хит «Песня дождя», усиленный звучанием синтетических современных инструментов, произвел фурор. Ее снимали в клипах, передавали по радио. Стал знаменит и город. Друзья и знакомые считали за честь, если Диана одаривала их своим вниманием. Только не было самого дождя. Он скитался где-то в дальних странах.

И что-то сломалось в ней. В ее душе. Стареющая, утопающая в славе и богатстве, она поняла, что она-то сама никому не нужна. Ни мужу, ни детям, ни друзьям. Что ее никто не понимает, не слышит и не любит.

И холодной зимой, бросив всех, она вернулась из прекрасного особняка в свою старую квартиру, достала запылившуюся гитару. И заиграла мелодию совсем не так, как играли ее синтезаторы, а тихо и нежно, как пел когда-то Тин-Ти-Ней. Но дождь не приходил. На улице стояла лютая стужа.

- Дин-Дин с трудом вспомнила забытое имя и прокричала его, захлебываясь вьюгой.
- И в тот же миг полил дождь.
- Ты вернулся! Вернулся!

Она хотела обнять старого друга, но не смогла.

– Да ты пьян!

– Потому что ты рядом, – ответил Тин-Ти-Ней.

– Ты так любишь меня?

– Люблю!

– Ну за что? Ведь все, что было у меня, сделал ты! А я сама такая же, как сотни, как тысячи других!

– Нет! Ты такая, а они не такие, – повторил он старые слова.

– Сможешь ли ты остаться, душа моя?! Мне так тебя не хватало! Всю жизнь мне не хватало тебя!

– На дворе зима. Думаешь, легко было долететь до тебя? Я вернусь весной. Хорошо? – ласково погладил ее по голове Тин-Ти-Ней.

– Хорошо, я буду ждать столько, сколько ты захочешь.

И он вернулся, когда у Дины родилась первая внучка. Вернулся в тысяча первый раз, как тысяча первая сказка Шахерезады, утешая первый детский плач.

– Теперь ты будешь любить ее? – спросила совсем поседевшая Дин-Дин.

– Нет! Я не могу любить ее, как тебя.

– Но почему?

– Потому что она не такая, как ты, моя Дин-Дин!..

А потом Тин-Ти-Ней долго плакал на ее могиле, облизывая одинокий крест. Он знал, что теперь никто из людей не сможет услышать и понять его песню.

Лети, как Киа!

Холод протянул длинные колючки льда по воде. Но лужа не замерзала, налитая ядом города. Оля даже протянула руку и потрогала ледяные иголки. Убедилась – настоящие.

В городе серого камня и асфальта, серых ворон и воробьев она чувствовала себя бескрылой птицей. Лазила по пожарным лестницам до самых высот, штурмуя их, точно альпинистка. А сегодня вот в этой полузамерзшей огромной луже, образовавшейся на черном рубероиде крыши, увидела, как в зеркале, небо. Получалось, что оно лежит у ее ног. И сверху, и снизу. И лужа эта – совсем не лужа, а глубокая небесная впадина...

И дух захватило от манящей нереальной реальности, неразмышляющего счастья без клятв, страсти, обещаний, обязательств и упреков. И это ощущение абсолютной свободы, где только небо и небо, бредило душу.

А дома, включив телевизор, внимательно слушала о том, как дети, попавшие в логово волка, постепенно дичают. У них растет шерсть. Они рычат и лают. И понимают язык далеких звезд.

«Интересно, – подумала Оля, – а если маленький ребенок попадет в птичью стаю, научится ли он летать?»

Наверное, Оля была единственным существом, у которого возник в этот миг такой странный вопрос.

– Дело не в том, научится он летать или нет, – вдруг, совершенно неожиданно для Оли, ответил завораживающий голос откуда-то из глубины экрана.

– А в чем? – тут же спросила девочка.

Экран показывал землю с высоты птичьего полета. На краю земли она увидела девочку с большими прекрасными глазами, как синие вишни, очень похожую на Олю, только из рук ее и спины росли широкие розовые перья.

– В том, что он разучится говорить, – ответил голос.

Изображение поменялось. Какие-то лыжники мчались к финишу. И Оля отчаянно стала лупить телевизор по крышке ладонями, чтобы снова увидеть чудесную девочку-птицу. Но это не дало никаких результатов.

С тех пор Оля знала, что где-то далеко-далеко живет девочка, воспитанная птичьей стаей, и умеет летать.

Постепенно прошла зима, а за нею весна. Настало лето. Оля успешно закончила школу и поступила в институт на орнитолога. Но мечта об абсолютном счастье не покидала ее.

Однажды ночью на Дальнем Востоке раздался крик. А здесь, в Москве, проснулась девочка. Ей приснилось, как от выстрела браконьера в небо устремились тысячи испуганных розовых птиц. Еще выстрел. И еще. И на солнечный плес упала одна из них, так похожая на человека, отчаянно крича.

Написав короткую записку родителям, что она скоро вернется, Оля бросила кое-какие продукты и лекарства в дорожную сумку, наскоро накинула куртку, извлекла из копилки все свои сбережения и поехала на аэровокзал.

Через десять часов она уже смотрела на Тихий океан и не знала, куда же идти дальше. И снова случайность, которая на самом деле и не была случайностью, заставила ее почувствовать терпкое волнение, ведь она заметила на берегу розовые перья. Собрав их в сумку, Оля пошла в том направлении, откуда волна приносила их. И шла весь день и всю ночь, а потом еще все утро на север по побережью, пока на берегу в куче выброшенной высохшей морской капусты не увидела чудную маленькую девочку, всю в розовых окровавленных перьях,

которая время от времени не то вскрикивала, не то всхлипывала, зализывая рану на плече. Увидев человека, начала шипеть одним носом, вытягивая голову. Несмотря на такое недружелюбное приветствие, Оля бережно взяла ее на руки и понесла к ближайшим зарослям. Из травы она сделала ей мягкую постельку. Получилось уютное гнездышко. Обработала, как могла, ранку мягкой мазью. И осторожно спросила:

– Как тебя зовут?

Незнакомка с крыльями что-то попробовала сказать, но получилось только:

– Ки. А! Ки. А!

– А меня Оля. Оля. Понимаешь? Ты – Ки. Я – Оля.

– Ки. А!

– Ясно. Значит, говорить ты не умеешь, – с огорчением поняла Оля, – зато ты умеешь летать. Это здорово! Правда! Ты себе не представляешь, как это здорово! Интересно, а бутерброд с сыром ты будешь есть, или нет?

Покормив малышку, Оля извлекла из сумки найденные на берегу перышки и приложила их к ранке. Ки свернулась клубочком и уснула. А Оля укрыла ее своей курткой и прилегла рядом.

Прошло несколько дней. Ки была очень слаба. И вырванные пулей перышки приживались плохо. Она позволяла себя кормить. И сладко доверчиво засыпала на плече Оли. Оля время от времени уходила в ближайший населенный пункт, приносила еду и питье для девочки с крыльями.

– Вот скажи, Ки, там в небе, там ведь холодно! А у тебя, кроме перьев, ничего нет!

– Ки. А! – отвечала Ки.

– А когда ты летишь над океаном, и в нем отражается небо, тебе тоже кажется, что ты абсолютно свободна?

Ки ничего не ответила.

– Интересно, а петь ты умеешь? – и Оля запела.

Ки неуверенно подхватила песню, как-то странно удерживая мотив одними лишь всплесками души, без слов, тем не менее попадая в ноты.

И Оля, чувствуя, что девочка старается, тоже запела этот мотив без слов. Так родилась странная песня, понятная только им двоим.

Леча девочку-птицу, Оля боялась, что та улетит навсегда, когда выздоровеет. Но и очень хотела этого. Старательно одно за другим она прилаживала к ранке розовые легкие перышки. Ки была похожа на ангела, но только совсем не могла говорить.

– Знаешь, Ки, – пыталась объяснить ей Оля, – люди на земле давно ищут птицу счастья. Думают, что она синяя. Глупые, правда?

Ки улыбалась, как будто понимала Олю.

– И знаешь, почему они глупые? Потому что, если вдруг в жизни кому-то посчастливится увидеть птицу счастья, совсем не надо просить у нее что-то. Ведь это уже счастье – просто увидеть ее. Правда?

– Ки! – отвечала Ки.

На четвертое утро к берегу приблизилась стая прекрасных розовых птиц. Они отчаянно кричали. И Оле угадывался в их крике настойчивый зов:

– Ки! Ки!

Встрепенулась кудрявая светлая головка девочки. Ясный синий взгляд ее неуверенно устремился к облакам.

– Ну же! Ки! Лети! Лети! – воскликнула Оля. – Лети, как Оля!

И побежала по берегу, показывая руками, как надо махать крыльями.

Киа поднялась, расправила перышки, из которых образовался большой светлый веер. Она разбежалась, оттолкнулась от земли крохотными ножками, взмахнула крыльями и поднялась в воздух, тут же затерявшись среди других птиц.

Стая сделала большой круг. Олька стояла и восхищенно махала им вслед. Таких красивых птиц она никогда не видела. Ей снова казалось, что она понимает пернатых, потому что теперь одна из них старательно выводила:

– Олль. Ля! Олль. Ля!

До Москвы Олька добиралась автостопом целый месяц, потому что на самолет не хватило денег. И все время думала о том, как там Киа...

Потом прошла осень. Наступила зима. Олька старательно училась. Она теперь точно знала, что людей-птиц не бывает. И быть не может в принципе. Она подробно изучила строение скелета и знала, что кости у птиц полые, поэтому и легкие. И то, что она видела собственными глазами, возможно, было просто бредом, ее воображением. Иногда Олька забиралась на крышу и смотрела на отражение неба в луже, которая никогда не сохла. Переполненная знаниями, она уже не мечтала о полете.

Настала весна. А потом лето. На утро самой короткой ночи, когда огромный город еще спал, розовый блик коснулся нежными лучами самых верхних окон многоэтажных человеческих гнезд, и Олька проснулась от странной песни. Создавалось впечатление, что ее поет целая стая.

– Киа! Здесь Киа! – метнулась она к окну.

Над серой Москвой показалось огромное живое облако. Это тысячи розовых редких птиц заслонили трепещущими крыльями небо. Такого чуда никто и никогда не видел в этих местах. Не увидел и в это утро. Потому что город спал.

Сердце Ольки забило от счастья, ведь в птичьей песне она ясно услышала слова:

– Оль. Ля! Оль. Ля! Лети, как Ки. А!

Олька протянула руки к небу и... вдруг вспомнила о том, что не умеет летать. И сказок на свете не бывает.

Девочка долго стояла и махала руками. Но не пыталась оттолкнуться от пола. Она улыбалась. А из глаз ее текли слезы.

Когда птицы улетели, на подоконнике она нашла маленькое розовое перышко. Подарок от Киа. Олька взяла его на ладонь, потрогала легкие пушинки. Убедилась – настоящие!

Горячая снежинка

Тройку лучшей белой шерсти, нисколько не портившую идеальное телосложение, белый шелковый галстук, аккуратно подстриженную седую бородку – жестко и требовательно оглядели голубые глаза, потом остановились на собственных зрачках.

Глубокий неудовлетворенный вздох. Зеркало не пускало. Пришлось «сделать лицо попроще». С трудом, но улыбнуться. И войти с поклоном к себе, только отраженному слева направо.

Говорят, хозяин этого заведения специально придумал Зеркало, чтобы извратить действительность. И посетители, поклонившись себенаоборот, тем самым подписывали «негласное соглашение», что принимают условия того, что в добре есть часть зла. А в зле – добра.

– Делайте ставки, господа! К нам пожаловал сам Бо!

– Делайте ставки, господа!..

В бильярдной все было классически по-мужски. Сигаретный дым, уходящий вопросами в потолок. Кружки с напитками. Столики. Бар. Официантки – обнаженные девочки с пустыми глазами. Но сам бильярдный стол отличался необычными на вид зеркальными многогранными шарами. Кроме того – партнеры могли наблюдать игру друг друга в огромные, с человеческий рост, экраны и на панели видеть результаты меняющейся ситуации в зависимости от их ставок.

Над баром висел лозунг для непосвященных: «Каким бы ни был твой выбор – это твой выбор!»

Бо, не обращая внимания на почтительные взгляды со всех сторон, уверенно прошел к любимому столу. Отметил, что сукно к его приходу выстелили новое, спокойно-зеленое. Главное – чистое! Не удержался, погладил рукой.

– Для тебя старался, – вместо приветствия шепнул ему на ухо появившийся как из-под земли хозяин Че, – партию?

– Пожалуй.

В зале прошло оживление. Зал, можно даже сказать, стал единым организмом, не спускавшим многочисленных глаз с Че и Бо. Хозяин, не в пример гостю, был облачен во все черное. Чуть хромал. Длинный кожаный плащ из какого-то необычайно большого, тонко выделанного зверя, почти без швов, волочился по полу. Шляпа не скрывала кипящих веселой смолой глаз.

– Что, надоело? – спросил хозяин.

– Что надоело? – переспросил Бо.

– Ну, там витать в облаках? Кризис жанра? – Че предложил кий.

– Да как тебе объяснить, – доставая свой собственный кий, сложенный в несколько раз, из кармана пиджака, задумчиво произнес гость. – Ты же сам знаешь. Игра – это работа. Для ума. И потом, ты достойный партнер, Че! Жаль только, что волосы красишь!

– Упаси, Бо! Это мои родные! Все, что у меня есть, я научился у тебя! Разыграем первый шар?

– Америка? Австралия? Африка?

– Россия.

– Опять Россия?

– Ну можно, конечно, похалтурить на папуасах Гвинеи-Бисау! Но мы же хотим показать класс. Мы же инженеры человеческих душ. Или не так?

– Шутник ты, Че! Ладно, Россия так Россия. Ты что-нибудь приготовил?

– Три варианта. На выбор. Выпускница детской колонии по вине отчима стала продаваться на панели: отомстит она ему или нет. Степень риска 52. Второй вариант – бабушка десять лет парализована. Ее ненавидит вся семья – убьют или не убьют. 67-я степень. И третий – доведет мужчина даму своего сердца до самоубийства или нет. Тут случай самый сложный – 89!

– С него и начнем.

– Поехали! – хлопнул в ладоши Че.

Шары на бильярдном столе зашевелились, как живые. Запереливались кадрами чужой жизни. Выстроились в треугольник. Ударный шар выкатился вперед.

– Ты придумал партию, тебе и начинать, – великодушно позволил Бо.

И Че разбил стройные ряды уверенно и красиво.

– Делайте ставки, господа! Че разбил! Очень выгодно разбил! Делайте ставки, господа!

Экраны показали мужчину и женщину, не глядящих друг на друга. Зал зааплодировал.

– С чего ты решил, что это его дама? – спросил Бо.

– Сейчас увидишь, – второй шар, забитый в лузу, выдал на экран некоторые изменения в женском лице, – она попала в расставленную мною химическую ловушку. Ей нравится его запах. Смотри, Бо! Она его уже почти хочет! Еще один шар. Он, овладев ею, начинает изводить.

– В том, что ты негодяй, никто не сомневался. А ты не думаешь, что она может его полюбить, как Анна Каренина, например, – забив ответный шар, возразил Бо. Очарованная пара читала друг другу стихи. Танцевала под музыку.

– Старо. Ты же не станешь плагиатировать на себе самом. Что-нибудь новенькое придумай, Бо! – прицелился Че.

Позиция оказалась неудобной. Он долго принарамливался к шарам. А на экране в это время проходила череда событий простой человеческой жизни.

Он и она были выбраны не случайно. Характеры эгоистичные, не терпящие неповиновения. Разные по темпераменту. Разные по социуму и эмоционально-художественному спектру.

– Сейчас мы усугубим положение, – наконец понял, как надо бить, Че. Его удар привел в игру третье действующее лицо – предполагаемую соперницу. Еще удар, и главная героиня начала безудержно быстро стареть и полнеть на глазах. Третий удар, самый мощный, забивший два шара одновременно, принес ей нищету и болезни детей. Шары разбивались, как живые, оставляя на столе грязь и кровь и сгустки какой-то липкой субстанции.

Зал единодушно выпустил вздох разочарования. Удар оставался за Че. Хозяин все внимание свое сконцентрировал на шаре. Будто бы он сам водил телом жертвы, которым она не могла самостоятельно управлять. В этот миг весь мир ее стал продолжением руки Че – его кий переходил в удар по шару, по жизни бедной женщины...

– Нет, ты все-таки зря красишь волосы, седина прекрасно бы контрастировала с черной шляпой! – «добродушно» заметил Бо. И рука Че дрогнула. Промажнулась. Оставшиеся шары разлетелись так, что достать их мог теперь только великий мастер. Да и действие на экране стало разворачиваться совершенно в другом ключе.

Женщина распахнула окно высотного здания, опасно ступила на подоконник и протянула руки к небу. На нее падали мириады холодных снежинок.

Если бы зрители не были так увлечены зрелищем, они бы заметили, что Бо, лишь на одно мгновение превратившись в горячую пылающую снежинку, упал ей на ладонь, прошел насквозь и прошептал прямо из самого сердца голосом земного мужчины так, что никто, кроме нее, не смог этого услышать:

– Люби! Люби меня! Мне нужна твоя любовь! Никто и никогда не сможет меня любить так, как ты!

Бо вернулся к игральному столу. А женщина слезла с подоконника. Закрыла окно.

– Партия сделана, – положил на стол кий Бо.

– Но как же? Но почему?

– Потому что это Россия, Че. Надо было тебе выбрать Гвинею-Бисау, – улыбался торжествующий гость. А зрители, в который раз проигравшие деньги, с невероятным удивлением наблюдали, как измученная горем и болезнями женщина поддерживала себя, своих бедных родственников, своих и его детей. Несгибаемая. Невероятная. Она до гроба любила простого земного мужчину. И на ней, на этой любви держалась хрупкая устойчивость бильярдного стола с безнадежно испорченным новым сукном. Зеркальные многогранники сами бегали теперь по столу и закатывались в лузы по одному им ведомому усмотрению. И ни один шар не разбился, не лопнул. Ситуация вышла из-под контроля. Влюбленные состарились и умерли в один день. Экран погас.

– А ты говоришь «кризис жанра», – удовлетворенно ухмыльнулся Бо под нескончаемые аплодисменты, – ну ладно. Пора и честь знать, – шагнул гость за волшебное Зеркало. Ему очень захотелось оглянуться на свое довольное отражение. Но он не оглянулся. И даже немного поморщился оттого, что все время приходилось раздавливать сотню-другую снежинок. Ведь филигранная работа Бо ни на одной из них не повторялась.

Шарманка

Катене всегда хотелось на чердак. Ей казалось, что хранится где-то под самой крышей огромный запылившийся сундук. А в сундуке!..

Вот только верхняя дверь была всегда наглухо закрыта.

На Новый год в небольшой семье Катены обычно ставили елку. Веселились и пели до утра. Но уже в сентябре как-то все не заладилось. Отец запил. Его уволили с работы. Мама работала практически за долги. Ходила в старых, совсем уже не модных потертых полусапожках. А бабушка сильно хворала. Врачи говорили, что ей очень нужна шаль из собачьей шерсти, но такая вещь стоила баснословных денег. Октябрь и ноябрь прошли в тревожном поиске средств к существованию. Пришлось Катене бросить музыкальные занятия и бассейн. Она пела теперь, только когда мыла посуду. Тем временем подходил Новый год.

30 декабря бабушка все-таки нашла в себе силы встать с постели и сходить на чердак за старой искусственной елкой и игрушками. Они с матерью быстро украсили комнату. Но из-за нескрываемой грусти в лицах взрослых обстановка все равно казалось печальной.

Отец опять пришел пьяный. Его рано уложили спать, да и сами уснули. Только Катене не спалось. Совсем другого ждала она от предстоящего праздника. Она тихонько пробралась на кухню. И заметила на столе ключи от чердака. Ни минуты не сомневаясь, что ее ждет что-то необыкновенное, она вскарабкалась по скрипучей деревянной лестнице, зажгла допотопную керосиновую лампу и отперла вожделенную дверь.

Все было именно так, как и представляла девочка. А может, она видела это давно в детстве? Ящики, коробки, мешки со старым барахлом, потертые лыжи, ее детские коньки, патефон, сломанный мраморный умывальник. А в центре чердачной комнаты действительно стоял огромный запылившийся сундук. Катена трепетно подошла к нему и хотела было отворить крышку, но тут в темном углу кто-то зашевелился, мяукнул и на сундук запрыгнул плюшевый кот с тремя головами. Девочка не испугалась, потому что кот смотрел на нее прищипанными глазами весьма доброжелательно.

- Меня сделал твой отец, когда был маленьким, – сказала одна голова.
- Какой ужас! Ребенок ничего не боится! Она как мы! – заявила вторая голова.
- Она хочет праздника, – сказала третья.
- Ты кот Баюн, о котором отец рассказывал мне сказки?
- Да-а-а! – протянули мяукающе сразу три головы.
- Здорово!
- Хочешь всех удивить? – предложила первая голова.
- Какой ужас! Ты что, предлагаешь ребенку идти позориться на народ?
- Не сомневайся! У нее хватит мужества! – возразила третья.
- О чем это вы? – спросила Катена.

Ничего не объясняя более, трехголовый кот спрыгнул с крышки сундука, и она сама открылась. Внутри лежали старая шарманка с картинками и ларец, в котором хранились с незапамятных времен карточки с предсказаниями на целый год.

– Ничего особенного не надо делать. Просто крутить вот эту ручку и петь вот так! – Первая голова кота запела забавную новогоднюю песенку, наполовину веселую, наполовину грустную. Ее подхватили две другие головы. – Запомнила?

– Запомнила. – Петь-то как раз Катена очень любила.

– Возьми нас с собой прогуляться! Нам так надоело пылиться на чердаке! – взмолился кот Баюн. – Не пожалеешь!

И Катена согласилась.

Рано утром, когда все еще спали, девочка оделась потеплее и пошла на центральную площадь. Она держала в руках шарманку. А на ее плече сидел плюшевый трехголовый кот. Площадь очень быстро наполнилась продавцами мороженого, хлопушек, новогодних украшений, всяких экзотических кушаний и вещей. Люди разбирали все это охотно, торопясь к праздничным столам и елкам. Но самый большой успех был у Катены!

На звуки шарманки подходили любопытные. Кот делал вид, что он – просто механическая игрушка, вытаскивал фанты с предсказаниями судьбы. А девочка пела под грустно-веселые звуки старинного музыкального инструмента.

Уже к обеду она заработала достаточно денег, чтобы купить продуктов к праздничному столу. А еще она выбрала самые модные сапожки для матери, теплую шаль из натуральной собачьей шерсти для бабушки и подарок отцу.

Когда она вернулась домой, уже вечерело. Мать и бабушка только руками развели, когда девочка торжественно вручила им свои заработанные сокровища. На кухне воцарилось оживление. Все три женщины маленькая, средняя и пожилая лепили любимое блюдо: пельмени. Кот важно сидел под елкой, карауля сувенир для отца семейства. Наконец, дверь открылась. Хозяин пришел угрюмый и очень удивился радости, поселившейся в доме. Дочка подбежала к нему и затараторила, не дожидаясь полночи:

– Папа! Я сегодня с твоим котиком ходила на площадь. Папа! Я так хорошо пела под шарманку, что люди давали мне деньги! Я купила бабушке шаль из собачьей шерсти! И маме сапожки. И тебе я приготовила подарок! Вон он, под елкой!

Недоуменный отец встал на колени, как ребенок. И взял у кота из рук сверток. Разворачивая газету, он обомлел. Подарком оказалась бутылка водки.

Девочка ждала, что ее похвалят. Но отец вдруг взревел точно бешеный медведь. Из глаз его брызнули слезы. Он сгреб в охапку Катену, целуя ее и приговаривая:

– Ты пела? Девочка моя? Ангел мой! Как ты могла? Как я мог?! Прости меня! Клянусь! Я больше никогда! Никогда этого не допущу!..

Он поднялся с колен и разбил о ступени крыльца старую шарманку. Девочка недоумевала. Мама с бабушкой почему-то плакали. А трехголовый кот улыбался под елкой, но этого никто не замечал.

Когда прозвенели куранты, все сели за стол, где дымились на тарелках пельмени.

– Папа, – осторожно спросила девочка, – можно я тебя о чем-то попрошу?

– Говори, – сказал отец.

– Подари мне, пожалуйста, своего котика!

– Он твой! – улыбнулся отец.

– Я твой! – шепнули тихонько на ушко Катене сразу три счастливые головы.

Теперь все были с подарками. Откупили бутылку.

Праздник удался. И следующий год прошел в мире, согласии и достатке.

Может быть, потому, что это была последняя бутылка в этом доме.

КОВЫЛЬНЫЙ ВЕНОК

В доме умалишенных лежала старуха. Она ничего не говорила уже несколько лет и умела спать с открытыми глазами. Когда это происходило, можно было заглянуть в ее сумасшедший сон. И я заглянула.

Во сне она стояла на песчаном откосе и держала венок из ковыля. Мимо проплывали лодки. Много лодок. И на них – люди. Много людей. Но, приглядевшись, я поняла, что это не совсем люди...

– Я помню тебя, – говорила старуха, примеряя свой венок, – я родила тебя от гусяря, Гудим, ты первая моя юношеская песня...

И снова подплывала лодка.

– А... Ненагляда моя, – вздыхала старуха, глядя прекрасную деву по хмельным волосам, – отец твой был таким ненаглядным, таким синеоким, глядела бы и сейчас, не нагляделась. Вот и родилась ты от взглядов моих легкою, точно вздох реки...

Венок из седого ковыля никому не подходил, был он белый, точно сплела старуха его из своих волос.

– Здравствуй, здравствуй, Вятко старшенький и Вязга придира, видно, не любила я отца вашего так, как должно, вы уж простите меня, грешницу, если что не так. Донимала я его, а вы от сомнений моих народились...

– Дай-ка и тебе веночек примерю, Неела моя, неудача. Всю то жизнь ты со мной жила, всю-то кровушку выпила. Но куда ж от тебя денешься, доченька, какое ни есть, а родное дитя.

Речи ее слагались, точно стихи. И дети ее, странные, со странными именами были не детьми, а чувствами, которые возвращала на проплывающих лодках река ее жизни.

– Берестинка, родная, доведется ли еще хоть разок на лес взглянуть, – говорила старуха. – И Завид здесь, и Нечай, и Смеян, как я рада, рада вам, детки...

Мне казалось, что я давно-давно слышала эти имена, и они будили что-то на дне глубинной памяти моей, которая просыпалась там, во сне у старухи, и таяла снова, точно туман у песчаного откоса...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.